

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Анн Нива: «Я буду ждать выхода из тупика» | Anne Nivat : « Je vais attendre la sortie de l'impasse »

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 02.10.2024.

Анн Нива в эфире канала LCI (скриншот)

Известная французская журналистка представила в Женеве свою книгу «Ненависть и отрицание», посвященную войне в Украине.

|

Une célèbre journaliste française a présenté à Genève son livre « La haine et le déni » »

consacré à la guerre en Ukraine.

Anne Nivat : « Je vais attendre la sortie de l'impasse »

Анн Нива – французская журналистка и хроникёр военных конфликтов, специализирующаяся на освещении событий в горячих точках планеты. Выпускница парижского Института политических исследований, в 2000 году Анн Нива завоевала престижную французскую журналистскую премию Альберта Лондра за книгу *Chiennne de guerre: une femme reporter en Tchétchénie* (в российском издании — «Проклятая война» или «Сучья война»), которую она написала после пребывания в Чечне. В 2004 году она получила литературную премию Эрвана Берго за книгу о последствиях войн в Афганистане и Ираке.

В Википедии можно прочесть, что «для Анн Нива характерна своеобразная манера сбора информации. Она работает, как правило, без официальной аккредитации, не использует современные гаджеты, а лишь блокнот и авторучку, живёт только в домах местных жителей и одевается как местные женщины. Она утверждает своё право на «неторопливый рассказ», на репортажи «по старинке», на голос «изнутри» событий, растворяясь в местном быте, сообщая о том, что действительно происходит в данной местности».

Все двенадцать написанных ею книг не только подтверждают эту «характеристику», но и дают внимательному читателю возможность увидеть, что за образом смелой, сильной, порой резкой в своих суждениях женщины стоит не только высочайший профессионал, но и глубоко и тонко чувствующий человек.

Последняя по времени книга Анн Нива вышла в издательстве Flammarion совсем недавно. Она называется «[Ненависть и отрицание](#)» и посвящена войне в Украине, четкая оценка которой дается автором уже в первой фразе: «Я пишу раз и навсегда: в этой войне, которая началась 24 февраля 2022 года, Россия – агрессор». А чуть ниже разъясняется подход автора к изложению событий: «Не принадлежать ни к одному лагерю; не слушать наказов ни тех, ни других; двигаться свободно, никому не будучи обязанной, на службе информации, – вот то, чего я хочу. Быть активистом – не мое дело. А документировать конфликт с двух сторон – мое».

Одно из достоинств книги – ее подчеркнутая сбалансированность. Главы, посвященные Украине, чередуются с главами, посвященными России. Всего их восемь, по четыре с каждой стороны. Сбалансированность тут не только внешняя, так сказать, но и внутренняя. Точно и правдиво, без оценок и «лирических отступлений» автор доносит до нас мнения о продолжающейся войне людей, оказавшихся по разные стороны линии фронта. А мнений этих столько же, сколько было у автора собеседников – великое множество. На наш взгляд, эта чрезвычайно информативная книга может реально помочь разобраться в сложнейшей ситуации всем тем, кто искренне к этому стремится. А также оценить царящий во многих головах хаос.

Не знаем, выйдет ли книга на украинском и русском языках, но это было бы здорово. А пока не так давно Анн Нива представляла французский оригинал в Женеве, и нам выдалась возможность встретиться с ней и поговорить.

Anne Nivat

LA HAINE ET LE DÉNI

A map of Ukraine and surrounding regions, including Belarus (BIÉLORUSSIE) to the north, Russia (RUSSIE) to the east, and Georgia (GÉORGIE) to the south. The map is overlaid with a red color scheme. Major cities like Kyiv (KIEV), Lviv, and Odessa are marked. The text 'Avec les Ukrainiens et les Russes dans la guerre' is superimposed on the map.

Avec les Ukrainiens
et les Russes
dans la guerre

Flammarion

Анн, Вы – дочь французских славистов, переводчиков русской литературы Жоржа и Люсиль Нива. Был ли Ваш интерес к России предопределен? С чего он начался? Что побудило Вас выучить русский язык?

Я не верю в предопределенность, но верю в увлеченность, в страсть, в труд каждого человека. Действительно, мои родители – специалисты по русской литературе. Когда мы с братом были маленькими, они часто говорили дома по-русски, чтобы мы их не понимали. Разумеется, мне, маленькой девочке, понять страшно хотелось, это непонятный иностранный язык казался мне волшебным. Помимо русского, я говорю по-английски, по-немецки, по-итальянски, так что я вообще люблю языки. Но, действительно, русский я люблю в первую очередь не «из-за», а благодаря моим родителям.

При этом мои отношения с Россией – это мои собственные отношения, иные, чем у них. Я прожила в России гораздо дольше, чем они в бывшем СССР – десять лет, с 25 до 35 лет, важнейших лет моей жизни. Россия – часть меня, эти годы незабываемы. До того, как поселиться там, я провела год в Центре российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета в качестве обладателя стипендии Фулбрайта. Мне хотелось побыть некоторое время на Западе, прежде чем отправиться на Восток. Сейчас, когда я с вами обо всем этом говорю, мне кажется, что речь идет о другом мире, о другой жизни.

Помните ли Вы свою первую поездку в Россию?

Прекрасно помню! Я поехала одна, на поезде Париж-Москва, это было в 1990 году. Я помню долгую остановку на границе с Белоруссией, где надо было переставлять вагоны на вагонные тележки, предназначенные для движения по иной, советской колее. Это произвело на меня огромное впечатление. Какой-то рабочий попросил у меня сигаретку – по-русски, конечно. Я дала ему эту сигаретку, четко осознав в тот момент, что вхожу в иной мир.

Мы с Вами почти ровесницы и защищали диссертации почти в одно и то же время. Ваша, написанная под руководством Элен Каррер д'Анкокс, называлась «СМИ и политическая власть в России во время переходного периода: трудный путь к автономии от конца СССР до возрождения России, 1985-1994 гг.», а моя, написанная под руководством профессора Ясена Николаевича Засурского, была посвящена телеканалу ARTE – первому на тот момент европейскому опыту двуязычного канала, который мог бы пригодиться в менявшемся СССР. То есть обе наши работы были связаны с переходным периодом. Почему, на Ваш взгляд, он завел совсем не туда, куда мы надеялись?

Ох, на такой вопрос быстро не ответишь! Но знаете, я ни участница событий, ни комментатор. Я наблюдатель. Для меня важно наблюдать, что происходит за пределами «моего» пространства, и объяснять происходящее моей аудитории, прежде всего франкоязычной. Именно это – моя страсть. Как Вы знаете, уровень незнания, непонимания России на Западе был огромен даже до войны, так что объяснять приходится много. Свою задачу я всегда видела в том, чтобы снижать этот уровень незнания, чтобы те, кто не знают совсем ничего, узнали бы хоть что-то. С годами цель не изменилась. Сегодня все говорят о России из-за войны в Украине, повторяя те же самые клише, что и десятилетия назад.

И с другой стороны то же самое...

Совершенно верно, в России также не понимают Запад. Мы имеем дело с полным взаимным непониманием, которое с годами только росло и достигло пика сейчас, в рамках вооруженного конфликта.

Как начался для Вас день 24 февраля 2022 года?

Плохо. Очень плохо. Эта новость была как удар под дых. Я говорила себе, что подобное невозможно, при этом понимая, что колесо уже покатилося, и это конец. Я слишком хорошо знаю, как легко начать войну, и как трудно ее остановить. Первой войной, которую я освещала, была война в Чечне – под российскими бомбами. И вот – докатились, круг замкнулся, я снова наблюдаю за войной, идущей под российскими бомбами.

Каждая из войн, которые мне довелось освещать (к уже упомянутым следует добавить Ирак и Афганистан), были очень разными, но с одним общим фактором – их было крайне трудно остановить. И сегодня я страдаю от того, что нынешняя война тоже не заканчивается.

Отличает ли что-то эту войну от всех других, Вами пережитых?

Да. В Афганистане и Ираке речь шла о западной коалиции против террористических группировок, о вторжении в далекую страну – обоснованном или нет. В случае Украины и России речь идет о двух странах, обладающих общей границей. В этой войне кое-что напоминает мне Чечню, даже с учетом того, что чеченцы – мусульмане, а это все меняет. Многие чеченцы говорили мне, видишь, мол, наша война никого на западе не интересовала, а украинцам это удалось.

Как Вы это объясняете? Ведь не секрет, что и Швейцария предоставила украинским беженцам условия, о которых и мечтать не могли их товарищи по несчастью из других стран.

Прежде всего, Чечня входила и продолжает входить в состав Российской Федерации, что совершенно меняет статус войны, делая ее – в глазах Москвы – войной внутренней. Украина же – независимое государство, и нормально, что отклик на вторжение на ее территорию иной. При этом, повторяю, мне кажется, что тот факт, что чеченцы – мусульмане, сыграл свою роль. Западной Европе легче открывать свои двери перед не мусульманами, многие мои чеченские знакомые разделяют такую точку зрения.

В течение многих лет Вы работали в печатной прессе: Le Point, Libération, International Herald Tribune, пока эта газета не прекратила свое существование, New York Times и Washington Post. В последнее время Вас все чаще можно увидеть по телевидению. После перехода с RTS на LCI Дариуса Рошбена, многие швейцарские телезрители тоже переключились на этот канал. Раньше Вы были там «просто» частой гостьей, а с 30 августа этого года ведете передачу по пятницам и субботам в 22 часа. Как это получилось? Значит ли это, что телевидению мощнее и важнее газет, и удастся ли Вам сохранить независимость оценок, которой всегда отличалась Ваша профессиональная деятельность?

Ответ на Ваш последний вопрос однозначен – да, удалось. Такой уж у меня характер,

и никому его не изменить. Что касается значимости телевидения, то мой цоколь, моя база – это печатное слово, прежде всего – мои книги. Последняя из них, «Ненависть и отрицание», посвящена как раз войне в Украине.

У меня две ноги, так сказать: одна письменная, другая устная. Мощь живого устного слова огромна, именно поэтому я согласилась сотрудничать с телевидением, предоставив в его распоряжение мои знания и опыт. Но при условии живого эфира – я бы никогда не согласилась участвовать в заранее записываемых передачах.

Среди различных экспертов, собирающихся в студии для обсуждения войны в Украине, Вы, наверное, знаете и понимаете Россию лучше многих. Мне, как зрителю, не хватает хоть кого-то из «нормальных россиян», чья позиция была бы между радикально противоположными позициями бывшего агента КГБ и сотрудника российского посольства в Париже. А Вас не коробит такая однобокость и заведомая предсказуемость дискуссии?

На телевидении существуют определенные коды, но мне вовсе не кажется, что эти дискуссии предсказуемы, наоборот, особенно в прямом эфире. Кроме того, я постоянно насколько возможно открываю дискуссию с приглашенными в студию.

С 2010 года Вы ведете курс в рамках магистерской программы Академии журнализма и СМИ Университета Невшателя. Что Вы думаете о грядущих преобразованиях в швейцарском медиапространстве, о планах по слиянию редакций, по сокращению штатов?

Совершенно верно, каждую зиму я приезжаю в Невшатель, где читаю курс по искусству репортажа – моему любимому жанру. Что касается «преобразований», то все это ужасно. Я в ужасе от превращения системы журнализма в систему производства контента. Для меня журналисты незаменимы, а те, кто плохо работают, должны свою работу улучшать. Но плохо работают далеко не все! На мой взгляд, публика нуждается в людях, способных расставлять для нее информационные приоритеты, объяснять те или иные события. Это – настоящая работа, требующая усилий. Тот факт, что некоторые журналисты не считают сегодня нужным прилагать усилия, не просто расстраивает меня лично, но дает аргументы владельцам СМИ в пользу сокращений бюджетов и штатов. Журналистика, как и книги, рискует превратиться в нишевое качественное пространство. В какой-то степени это уже произошло. Многие спрашивают меня, как разобраться в потоке информации, кому верить?

И что Вы им отвечаете?

Я отвечаю, что они тоже должны прилагать усилия: пользоваться разными источниками, сравнивать получаемую информацию. Работать головой, думать.

Напомню, что в 2012 году Вы в очередной раз поехали в Россию, но не по журналистской визе, а по деловой, за что Вас выслали с российской территории. На основе этого опыта, что Вы думаете об обменах заложниками, разменной монетой в которых все чаще становятся журналисты?

Моя личная история на этом фоне – это сущая мелочь. Тут просто произошло недоразумение – мелкий чиновник в глубинке проявил излишнее рвение. Кстати, тогдашний посол России во Франции даже принес мне извинения, что было приятно,

после чего мне в очередной раз выдали визу без всяких проблем. Но это было в 2012 году, с тех пор очень многое изменилось. Получить журналистскую визу сегодня крайне сложно, и выдают их на очень ограниченное число дней – в последний раз, когда я ездила в Белгород в момент президентских выборов, мне выдали визу всего на восемь дней. При этом журналистам из «дружественных» стран выдали, как всегда, трехмесячные визы. Но Франция – в списке недружественных стран!

Что же касается арестов журналистов для их последующего использования в качестве разменной монеты, как вы говорите, — это вопиющее безобразие. Обвинения журналистов в шпионской деятельности – трагедия. Со мной такое случилось только однажды, в 2000 году в Чечне. Да и то, опять отличились маленькие начальники, а не высокопоставленные чиновники. Из того, что я наблюдаю, нельзя не сделать вывод, что работать журналистам в России сегодня крайне тяжело, и, возможно, это одна из причин моего согласия поработать некоторое время на телевидении. Я очень рада, что успела написать мою последнюю книгу о России и Украине. И пока это всё, я буду ждать. Я очень хочу еще вернуться в Россию. И не раз.

Чем закончится эта война, как Вы думаете?

Ничем хорошим. Я пока не оптимистка. Мы очень далеки от ее завершения. Мы в тупике.

[война в Украине](#)

[Надежда Сикорская](#)

Nadia Sikorsky

Rédactrice, NashaGazeta.ch

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/ann-niva-ya-budu-zhdav-vyhoda-iz-tupika>